

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Buron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являясь Муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

*

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ нась первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ нась замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣня
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣля,
Я Музу рѣзвую привѣль
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:

И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашой пѣла для гостей,
И молодежъ минувшихъ дней
За нею буйно волочилась —
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдалъ бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайного разсказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глупи Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчъ боговъ
Для скучныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи ей любезной . . .
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И вынѣ Музу я впервыя
На свѣтскій раутъ ⁴⁵ привожу;
На прелести ел степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ Франтовъ, дипломатовъ

И гордыхъ дамъ она скользить,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мелькають платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вокругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвныи и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, спилилъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгений?
Ужели онъ? . . . Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчить также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй,
Иль маской щегольнетъ иной.
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да л, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ . . .
— Знакомъ онъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За толь, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность

Иль оскорблять иль смѣшить,
Что умъ, любя просторъ, тѣснить,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вѣремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣль,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула нась она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Простыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,

Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣль,
Ничѣмъ заняться не умѣль.

XIII.

Имъ овладѣло беспокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣсть
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенъе,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залъ шопотъ пробѣжалъ . . .
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй. . .
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut . . . ***, прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залу: и всѣхъ выше

И нось и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею Генераль.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ, Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу. . .

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бъ годилось въ эпиграммѣ. . .
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
«Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ! изъ глухи степныхъ селеній. . .»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
Кто тамъ въ малиновомъ беретъ
Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— «Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.»
— «Да кто жъ она?» — «Жена моя.»

XVIII.

— «Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — «Около двухъ лѣтъ.»
— «На комъ?» — «На Лариной.» — «Татьянѣ!»
— «Ты ей знакомъ?» — «Я имъ сосѣдъ.»
— «О, такъ пойдемъ же.» — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ

Родню и друга своего.
Княгиня смотрить на него. . .
И что ей душу ни смущило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей - ей! не то, чтобы содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна . . .
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ . . .
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученія,
Читалъ когда-то наставленія, —
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говорить,
Гдѣ все наружѣ, все наволѣ,
Та дѣвочка . . . иль это сонъ? . . .
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сей часъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный,
Домой задумчивъ єдетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносять
Письмо: Князь N покорно просить

Его на вечеръ.. — «Боже! къ ней! . . .
О буду, буду!» — и скорѣй
Мараеть онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
Татынѣ онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нѣйдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ни чыхъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Бездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;

Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ съдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

xxv.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На сиѣгъ и на свою жену.

XXVI.

Тутъ былъ * * *, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянъ — какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залётной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюблennой, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней

Роскошной, царственной Невы.

О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечеть;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не ^нрай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительного сана
Пріемы скоро принялла!
Кто бъ смѣль искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвствено грустить,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ, когда нибудь
Свершить смиренный жизни путы!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣственныемъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зреютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодной,
На поворотъ нашихъ лѣтъ,
Печаленья страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсь вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгений
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводить онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнимъ,
Къ ея крыльцу, стеклянныемъ сѣнамъ

Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливреи,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтить,
Порою вовсе не замѣтить:
Кокетства въ ней ни капли нѣть —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѳдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлый здороваго, болѣй
Киягинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невотице;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь,
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбить
Печальной тайны объясненіе.
Какое горькое презрѣніе
Вашъ гордый взглядъ изобразить!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?

Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣти,
Въ васъ искру нѣжности замѣти,
Я ей повѣрить не посмѣль:
Привычкѣ милой не даль ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣль.
Еще одно нась разлучило. . . .
Несчастной жертвой Ленскій палъ. . .
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣть, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку усть, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замиратъ,

Блѣднѣть и гаснуть . . . вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судѣбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижуся я. . .

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,

А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчи и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ! . .

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.» —

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видяты, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холodomъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыхъ хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ. . .

XXXIV.

Да, можетъ быть, болезни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайнай. . . . .
Всего, чтò мой Онѣгинъ зналъ. . . . .
Надежды нѣть! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ —
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталь вновь читать онъ безъ разбора.
Прочель онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочель скептическаго Беля,
Прочель творенья Фонтенелля,

Прочель изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такие мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то опь
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечеть фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгъ,
Какъ будто спящій на иочлегъ,
Недвижимъ юноша лежить,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищѣй презрѣнныхъ,
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она . . . и все она! . . .

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бъ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма

Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пыпалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Dol mio*, и рональ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойные окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, не убрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;

Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва. . .
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаеть
Безчувственной руки своей. . .
О чёмъ теперь ея мечтанье? . . .
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ,помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ нась
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

«Онъгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла? —
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь. . . Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой. . .

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась. . . Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ

Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что нась за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу. . . Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей браны,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.

Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ. . .

А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ? *

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишурा,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечерѣ,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикий садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной иянею моей. . .

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко! . . . Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны. . .
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.» —

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапынѣй звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго. . . навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ

Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мнай
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятеожныхъ,
Отдохновеняя ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль оstryхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странпый,
И ты, мой вѣриный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,

Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаль
Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читаль. . .
Иныхъ ужъ нѣть, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль. . .
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна

Бокала полнаго вина,
Кто не дочель ея романа
И вдругъ умѣль разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

К о н е цъ.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНИЮ ОНЪГИNU.

---

1. Писано въ Бессарабії.
2. Dandy, францъ.
3. Шляпа à la Bolivar.
4. Извѣстный респорашпоръ.
5. Черпта охлажденнаго чувства, доспойпал Чальдъ-Гарольда. Балеты Г. Диудо исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поззіи, нежели во всей Французской Литературѣ.
6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyois rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans se chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de I. I. Rousseau).

Гrimъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистяшъ ноги особеною щечкой.

7 Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалилъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезноспію и строгую чистоту нравовъ съ эпою воспоміною прелестію, споль плѣнившую Г-жу Сашль.

(См. *Dix ans d'exil.*)

8. Читатели помнятъ прелестное описание Петербургской ночи въ идилліи Гибдича:

«Вотъ ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ,
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальносѣй;—
На взморѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
Чутъ видныхъ судовъ, какъ по синему небу шмыгающихъ.
Сияньемъ безсумрачнымъ небо ночное сияетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ воспокъ:
Какъ будто девница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное ушро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаются владычествою ночи;
Какъ взоръ ипоземца на съверномъ небѣ плѣняется
Сиянье волшебное шѣни и сладкаго свѣтила,
Какимъ никогда не украшено небо полуночи;
Та ясность, подобная прелестямъ съверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва спѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятся
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя почты безъ шѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончились,
И пѣсни заводились, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжеспѣнь на Невскія шуандры;
Роса опусшилась; . . . . .
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель;
Нева не колыхнется; разѣхались госпи градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все шико:

Лиши изрѣдка гулъ опѣ мостовъ пробѣжилъ надъ водою;
Лиши крикъ протяженный изъ дальней промчился деревни,
Гдѣ въ почѣ окликается рашная спража со спражей.
Все спитъ . . . . .

9. Въявь богиню благословну
Зримъ воспорженный піпъ,
Что проводитъ почь безсонну,
Оперши на грани.

(*Муравьевъ. Богиня Несы*).

10. Писано въ Одессѣ.

11. Авторъ, со спороны машери, происхожденія
Африканскаго.

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

13. Сладкоозвучнѣйшія Греческія имена, каковы,
напримѣръ: Агаѳонъ, Филапъ, Федора, Фекла и
проч., употребляются у насъ только между
простолюдинами.

14. Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ
романовъ.

15. Si j'avois la folie de croire encore au bon-
heur, je le chercherois dans l'habitude. (Шапо-
бріанъ).

16. Бѣдный Іорикъ! — восклицаніе Гамлеша надъ
черепомъ шупса. (См. Шекспира и Сперна.)

17. Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*,
было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что
не имѣло никакого смысла). Крипники, того не
разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ
спрофахъ. Смѣемъ увѣришь, что въ нашемъ
романѣ время расчислено по календарю.

18. Юлія Вольмаръ, новая Элоиза. Малекъ-Адель, герой посредственного романа M-e Cottin. Густавъ де Линоръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюндеръ.
19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ, гениальное произведение Машюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карма Нодье.
20. Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный Авторъ пашъ перевѣль только первую половину славного спиxa.
21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою пѣмъ, что онъ на праздникахъ *гулялъ*.
22. Е. А. Баратынскій.
23. Чешвертая и пятая Главы вышли въ свѣтъ, съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Плещневу:

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣмъ бы я тебѣ предспавить
Залогъ достойнѣе тебѣ,
Достойнѣе души прекрасной,
Святополнителій мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и проспогы;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье песнрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Проснопародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ monkъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Неэрѣыхъ и увядшихъ лѣпъ,

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣть.

24. Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между темъ какъ благородныя барышни, немного ниже, называны *дѣвочками*!
25. «Это значитъ,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки кашаюются на конькахъ.» Справедливо.
26. Въ лѣта красныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобиемъ любви
Или юности безумной, и проч.
(Послание къ Л. П.).
27. Августъ Лафонтень, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.
28. Смотри: *Первый Сильвъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.
29. См. описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Барапынскаго.
30. Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрека-
етъ смерть.
31. Такимъ образомъ узнають имя будущаго жениха.
32. Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ, молвъ и толпъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренные Русскія. «Вышелъ Бова изъ шапра прохладишия и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвъ и конскій шопъ.» (*Сказка о Бовѣ*

Королевынъ.) Хлопъ употребляется въ просторѣчіи вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шипанія.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.

(Древнія Русскія стихотворенія.)

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

33. Одинъ изъ нашихъ крипиковъ, кажеся, находится въ этихъ спихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.
34. Гадашельныя книги издаются у насъ подъ фирмою Марпына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадашельныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

35. Пародія извѣстныхъ спиховъ Ломоносова:
- Заря багряною рукою
Опѣ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою, — и проч..

36. Буяновъ, мой сосѣдъ,

· · · · ·

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрапанный, въ пуху, въ карпузѣ съ козырькомъ....

(Опасный Сосѣдъ.)

37. Наши крипики, вѣрные починщели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего спиха.

38. Парижскій рестораторъ.

39. Спихъ Грибоѣдова.

40. Славный ружейный мастеръ.

41. Въ первомъ изданіи шестая Глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновенье,
Волной мое воображенье,

Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилепай,
Не дай остыть душъ поэта,
Ожеспочиться, очерствѣши,
И паконецъ окаменѣть
Въ мерзящемъ упоеньи свѣща,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блыснательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ
Учпивыхъ, ласковыхъ измѣнь,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суепы,
Среди досадной пустоты
Расчеповъ, душъ и разговоровъ,
Въ семъ омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

42. Левшинъ, авторъ многихъ сочинений по части
хозяйственной.
43. Дороги наши — садъ для глазъ:
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проѣзда нѣть подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ споящихъ,
Проехимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь спихъ: *для проходящихъ!*
Свободна Русская зѣда
Въ двухъ только слуяяхъ: когда

Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершишъ, преща опъ гаѣва,
Опуспишишъ набѣгъ,
Путь окуепъ чугуномъ льдистымъ,
И запорошишъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушинстымъ.
Или когда поля проймѣшъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можешъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.

(Стапція. *Князь Влзенскій.*)

44. Сравненіе, заимствованное у К**, споль извѣстнаго игривостію воображенія. К . . . рассказывалъ, что будучи однажды посланъ курьеромъ опъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѿхалъ шакъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ толѣжки, спущала по верстамъ, какъ по частопоколу.
45. Rout , вечернее собраніе безъ шанцевъ собственно значитъ шоппа.
-

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онъгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенные спрофы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и осмотрѣннымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онъгина по Россіи. Опять него зависѣло означить сю выпущенную Главу точками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше высправить, вмѣсто девятаго нумера, осмой надѣй послѣдней Главою Евгенія Онъгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ спрофъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Каппенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаешь быть и поникъмъ крипшкомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключение, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Ташъяны, уѣздной барышни, къ Ташъянѣ, знанной дамѣ, становиться слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ. — Замѣчаніе, отличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько спрофъ.

Е. Онъгинъ изъ Москвы ѿдѣшъ въ Ниж-
ній Новгородъ:

..... передъ нимъ

Макарьевъ суетно хлопочетъ,

Кипить обиліємъ своимъ.

Сюда жемчугъ привезъ Пиндеецъ,

Подъльны вины Европеецъ.

Табунъ бракованныхъ коней

Пригналь заводчикъ изъ степей,

Игрокъ привезъ свои колоды

И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

*

Тоска! . . .

Онѣгинъ єдешь въ Аспрахань, и опишу да
на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роеть берега;
Предъ нимъ парить орель державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежить въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ,
Въ дали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась
брань

За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры

*

Узрѣли Русскіе шатры.

*

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющи Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка, злыихъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

*

Питая горьки размышенья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?

Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? тоска, тоска! . . .

Онѣгинъ посыаетъ попомъ Тавриду:
Воображенію край священный:
Съ Атридомъ спорить тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣль Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминаль.

*

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вasz видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ вasz впервѣй увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сѣли груды вашихъ горъ,

Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ быль передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татарь . . .
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

*

Какія бѣ чувства ни таились,
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣть:
Они прошли иль измѣнились . . .
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волны края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скаль,
И гордой дѣвы идеаль,
И безымянныя страданья. . . .
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

*

Иные нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сиреневія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолѣе утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ. . .
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарал!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,

Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ. . . .
Средь пыщныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скиталъся въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

*

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной....
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышеть, вѣеть,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣеть
Разнообразностью живой.

Языкъ Италии златой
Звучить по улицѣ веселой,
Гдѣ ходить гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсарь въ отставкѣ, Морали.

*

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,

Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

*

А гдѣ, бишь, мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волнѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запруженая,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ

По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кореты, люди тонуть, вязнутъ,
И въ дрожкахъ воль, рога склона,
Смѣняетъ хилаго коня.

*

Но ужъ дробить каменъя молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной бронѣй.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чегобъ вы думали? — воды.
Потребны тяжкіе труды.....
Что жъ? это небольшое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море. . .
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгал,

Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленої оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

*

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?

Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Чтò устрицы? пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ; (*)
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

*

(*) Извѣстный респоршоръ въ Одессѣ.

Но ужь темнѣеть вечеръ синій,
Пора намъ въ Оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловенъ — Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima dona? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блестая,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,

Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ . . .
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ
Въ просонкахъ форы закричитъ,
Зѣвнетъ и — снова захрапитъ.

*

Финалъ гремить; пустѣеть зала;
Шумя, торопится развѣздъ ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ,
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спить Одесса;
И бездыханна и тепла.
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;

Лишь море Черное шумитъ . . . .

*

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ . . . .

ПРОДАЕТСЯ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Смирдина.
Цѣна 12 рублей.